
В.П. Булдаков

КАК ПОНЯТЬ РЕВОЛЮЦИЮ?

Аннотация. В статье предпринимается попытка осмыслить причины и значение российской революции 1917 г. Автор полемизирует с разного рода «конспирологическими» и «просветительскими» объяснениями революции. Сделан вывод, что революция была вызвана внутренними закономерностями развития России. В статье намечены дальнейшие пути изучения русской революции как великого исторического феномена.

Ключевые слова: революция, В.И. Ленин, большевики, анархисты, кризис.

Булдаков Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва).
E-mail: kuroneko@list.ru

V.P. Buldakov. How to Understand the Revolution?

Abstract. The author tries to understand the causes and the significance of the Russian revolution of 1917 and argues with different «conspiracy» and «educational» explanations of the revolution. The author comes to a conclusion that the revolution was caused by the internal laws of Russian development. The article contains ways of further study of the Russian revolution as the great historic phenomenon.

Keywords: revolution, V.I. Lenin, the bolsheviks, the anarchists, the crisis.

Buldakov Vladimir Prokhorovich – Ph.D. (History), chief research fellow of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow).
E-mail: kuroneko@list.ru

100-летие революции мы встречаем в довольно нелепой историографической ситуации. С одной стороны, нам предлагают решительно осудить случившееся, признав революцию злом, не находящим себе оправдания: 1917-й – это «России черный год». Налицо предложение вывести этот гран-

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

диозный феномен за скобки исторической науки. С другой стороны, нам подсказывают, что это величайшее событие надо все же отметить, но так, чтобы не допустить разгула страстей.

Впрочем, сколько событий отмечать: одно или два? Для некоторых такие символы, как Февральская и Октябрьская революции, давно превратились в некие идейно-политические маркеры и даже «историософские» установки. А кое-кто вовсе не признает случившееся революцией, предпочитая использовать «уничажительный» термин – переворот. В общем, повторяется ситуация 1917 г.: эмоции порождают слова, слова заслоняют реалии.

Конечно, довольно удобно считать, что Октябрь перечеркнул все демократические завоевания Февраля. Не менее соблазнительно утверждать, что Февраль и Октябрь – две predetermined ступени восхождения человечества к «светлому будущему». Мы как бы признаем, что Россия закономерно совершила социалистическую революцию, встав в авангарде всеобщего прогресса. И тот факт, что окончательное торжество не состоялось, можно списать на злокозненность каких угодно «темных сил».

Итак, мы все еще находимся в пространстве мифов, порожденных 100 лет назад. А потому прежде чем задуматься над значением реалий 1917 г., следовало бы настроить, точнее, перенастроить, исследовательскую оптику, осуществив заодно некую коррекцию нашей психики применительно к историческому процессу.

Несомненно, мы остаемся обладателями дурного историографического наследия. Так называемая история КПСС, вкуче с «научным коммунизмом», забивавшая всякую историческую мысль, была диктаторской прикладной дисциплиной, призванной утвердить наукообразную «веру». Выдающийся социолог Э. Геллнер как-то заметил, что коммунистические правители ухитрились сделать официальной государственной доктриной и основой социального порядка «не что иное, как саму *теорию истории*» [39, р. VIII]. Эта амальгама «науки» и мифа – поистине выдающееся государственное «достижение» коммунистических правителей. Но можно ли от этого избавиться? И как?

Во-первых, стоило бы признать, что мы самым нелепым образом отделяем *свою* историю от истории всемирной. В лучшем случае считается, что последняя существует *сама по себе* – таково наследие былой автаркии. И если признается, что внешний мир оказывает на нас воздействие, то, конечно, воздействие негативное. Между тем наша связь с мировым историческим процессом была и остается чрезвычайно тесной: нет таких мировых идей, которые мы не пытались бы примерить на себя, нет таких общечеловеческих заблуждений, которые миновали бы русскую историю.

Во-вторых, наш взгляд на собственное прошлое носит «обиженный» и даже «страдальческий» характер: принято считать, что нам крупно не

повезло. Изредка встречаются, правда, заявления противоположного характера: русская история провозглашается *особо успешной* [35, с. 7–9]. Но зачем эти эмоции: важно усвоить, что это *твоя* история. Необходимо преодолеть отчуждение от собственного прошлого.

В-третьих, наше непонимание истории связано с этаким взглядом на «дела давно ушедших дней». Стоит напомнить, что в античные времена история представлялась «историей богов», затем наступила «история королей», сегодня преобладает «история народов» – социальная история. Последняя, в свою очередь, уступает место «истории человека». Мы же по-прежнему колдуем над «историей королей», втиснутую в «материалистическую» схему. И этому детскому занятию, похоже, нет конца.

Наконец, стоит заметить, что человек, «выключенный» из собственной истории, но вдохновленный европейским «прогрессом», непременно будет воспринимать события своей революции по лекалам революций Запада. Так, в 1917 г. о событиях, скажем, мексиканской революции в России никто не вспоминал, зато политики были намерены следовать образцам Великой французской революции, запечатленным в работах историков либерального направления. При этом о том, что России желательно поскорее выбраться из ненавистной войны, «европеизированные» политики предпочитали не вспоминать. Вдобавок почему-то существовала уверенность, что решение аграрного вопроса можно оттягивать до бесконечности, чтобы в удобный для политиков момент «правильно» решить его сверху.

Нетрудно догадаться, с чем связана задержка в формировании современного исторического сознания и самосознания. Россия все еще представляет собой социальную систему замкнутого авторитарно-патерналистского, а не открытого гражданского типа. Соответствующий тип сознания, законсервированный «отеческой» властью, мешает нам ориентироваться в собственной истории. Отсюда особая убежденность в способности «темных сил» управлять нашей судьбой.

В таких условиях история проще всего воспринимается через «героев и злодеев». Это успокаивает национальное самолюбие, но блокирует поиски истины. И тогда применительно к переломным временам наиболее основательно сказывается «принцип параллакса» (С. Жижек): всякий объект меняет свою конфигурацию в зависимости от угла зрения. Увы, у нас всякий взгляд в прошлое слишком переполнен «возвышенными» эмоциями. Разумеется, сказывается и другая, еще более пагубная привычка, ведущая начало от Н.М. Карамзина: вольное или невольное сочинение «вдохновляющей» истории «для начальства». Подчас это приобретает откровенно лакейские формы. А всего приятнее власть предрержащим бывает использовать «разоблачение» революционных угроз ее застою существованию.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Нынешнее историческое воображение россиянина не случайно пронизано конспирологией. Наш кругозор исторического воображения катастрофически заужен. Кто сегодня вспомнит, что начало XX в. – время великих страстей для всего мира? Кто станет сравнивать катастрофические события отдаленного российского прошлого с революцией 1917 г.? Между тем события русской революции можно понять только во всемирно-историческом контексте.

Европейский XX век начинался как время великих иллюзий и человеческих страстей. С начала XX в. европейские народы жили ощущением неустойчивости ситуации. Это провоцировало соблазн рывка вперед – в том числе и через «освободительную» войну. Сегодня причины, ее породившие, вполне различимы: демографический бум привел к «омоложению» населения; промышленный прогресс убеждал во «всесилии» человека; информационная революция усиливала иллюзорный компонент сознания, словно переворачивая его с ног на голову. Соответственно возрастала эмоциональность, а заодно и агрессивная «безрасудность» социальной среды. Распознать в то время глубинную природу происходящего было сложно (если вообще возможно), зато натурам поэтическим легко было впасть в тревожное ожидание.

Успехи материального «прогресса» вкупе с информационной революцией привели к тому, что человек утратил органичность мировосприятия, связанную с Верой. Произошел своего рода эмоциональный перегрев европейской культурной среды – относительно «сытой», старающейся мыслить «рационально», но остающейся неустойчивой социально и психически. «Одной из наиболее опасных черт современной мысли является неврастеническая импульсивность, которая делает ее жертвой меняющихся настроений и предположений», – писал историк П.Г. Виноградов [9, с. 438]. *Mass media* доводили эти настроения до вспышек истерии.

Исследователи отмечают, что и российское культурное пространство уже давно жило смутными ожиданиями то ли «великого переворота» (Л. Толстой), то ли «века духовного обновления» (М. Горький), то ли «новой, неведомой культуры, которая с нами возникает, но и нас же отметет» (С.П. Дягилев) [32, с. 140]. И то что религиозные мыслители – от В. Соловьева до П. Флоренского – искали пути выработки «цельного знания», синтезирующего мистическое, рациональное и эмпирическое, отнюдь не спасло российское социальное пространство от вытеснения туманных идеалов соблазнительными проектами «всеобщего счастья», насаждаемыми демагогами. Таковы естественные последствия разрушения прежних моральных и эстетических иерархий.

Сегодня «Великая российская революция» упорно описывается по лекалу Великой французской революции [38]. В свое время «творцы» Февраля также мысленно сопоставляли ход революции с соответствующими событиями во

Франции. Вероятно, именно поэтому февральский переворот был дружно наречен «бескровным» – его свидетели слишком хорошо знали о бесчинствах Французской революции [17, с. 267–378], не говоря уже о революционном терроре 1905–1906 гг.

Между тем русская революция 1917 г. прошла в контексте многочисленных, порой не менее свирепых революций на периферии европейского мира. Она в некотором смысле началась еще в 1902 г. (резкий рост крестьянского бунтарства), продолжилась в 1905–1907 гг. [15; 6, с. 10, 15, 17, 177]. Накануне Первой мировой войны в столице начались серьезные рабочие выступления. Одновременно на грани революционных потрясений оказались и развитые европейские страны. Но мы почему-то считаем себя несчастными пасынками истории, которая адресует всевозможные напасти нам одним. В общем, это отголосок психологии людей несвободных, это, если угодно, дискурс сущего, навсегда обиженных «несправедливой» властью.

Разумеется, историческое значение авторитарной власти далеко не однозначно. Тем не менее очевидно, что в предвоенные годы и тем более в условиях тотальной войны управлять Россией по-старому мог только сильный и энергичный самодержавный правитель. Между тем трудно представить человека, столь же не подходящего на эту роль, как Николай II. Но почему-то в истории ему упорно отводится роль «страстотерпца». Известно, однако, что к концу его правления «самодержавная» власть оказалась настолько беспомощной, что ее не пришлось даже по-настоящему свергать. Между прочим, в одном из обращений Временного комитета Государственной думы признавалось (и это походило на оговорку по Фрейду), что «старая власть, губившая Россию, распалась» [26, с. 144]. «Революции не было, – записал в дневнике в 1917 г. московский литературовед Н.М. Мендельсон, – самодержавие никто не свергал. А было вот что: огромный организм, сверхчеловек, именуемый Россией, заболел каким-то сверхсифилисом. Отгнила голова – говорят: “Мы свергли самодержавие!” Вранье: отгнила голова и отвалилась» [цит. по: 33, с. 503]. «Русь слиняла в два дня, – изумлялся В.В. Розанов. – Самое большее – в три»¹. Однако немногие сознавали и тем более – готовы были признать, что самодержавие было вовсе не свергнуто восставшим народом: «гнилое правительство... рухнуло бесследно» само по себе [25, с. 186].

Казалось бы, нормальный историк отнесет подобные мнения к числу «намеков Клио», стимулирующих поиск глубинных причин произошедшего. Напротив, для болезненного воображения конспиролога бесславное падение монархии явится стимулятором поиска «заговорщиков». И его ничуть не смутит абсурдность подобного дискурса: могущественную державу повалила

1. И здесь же он приводил мнение 60-летнего старика из Новгородской губернии: «Из бывшего царя надо бы кожу по одному ремню тянуть» [см.: 31, с. 6–7].

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

кучка салонных инсургентов. И неужели вслед за тем 160-миллионный народ действительно стал легкой добычей политических демагогов?

Возможно, самое поразительное в нашем сегодняшнем историческом сознании связано с тем, что фантазийная конспирология легко уживается с материалистическим взглядом на историю. И здесь действует «железная» логика. Если предреволюционная Россия «процветала» в хозяйственном отношении, уверенно двигаясь «от традиции к Модерну», если народ «благоденствовал», то никаких объективных предпосылок революции быть не могло. Марксистская догма посрамлена («экономическим детерминизмом»!)

Носители такой логики, похоже, начисто забыли, что «не хлебом единым жив человек». (Впрочем, чтобы превратить «сытого» человека в бунтаря, порой достаточно всего трех голодных дней.) Забывается и о том, что ощутимый рост благосостояния, особенно в авторитарно-патерналистских системах, порождает еще больший всплеск социальных ожиданий. И если подобный процесс резко прерывается по «неведомым» причинам, взрыв социального недовольства неизбежен.

Самое удручающее в данной историографической ситуации – это то, что мы не умеем «расшифровывать» истоки сегодняшних историографических заблуждений. Понятно, что современные конспирологии в значительной степени призваны удовлетворить досужее обывательское любопытство, не имеющее никакого отношения к собственно истории, – это часть нашего мифологического пространства, требующего неперемного присутствия в прошлом и настоящем неких вездесущих «темных сил». Но почему так живуча вера в заговоры, откуда вырастают слухи о них? Вероятно, это удел людей, сознание которых было так покорежено за 74 «революционно-застойных» года, что они лишились способности мыслить независимо от политики и политиков.

В свое время Февральская революция стала неожиданностью для всех. Все ждали не начала грандиозной социальной революции, а всего лишь подвиги в верхах, связанной с избавлением от некоторых «вредоносных» личностей. По этой логике убийство Распутина должно было завершиться устранением нелюбимой «немки» – императрицы Александры Федоровны. Соответственно конструировались слухи. «Что даст нам наступивший год?... – риторически 1 января 1917 г. вопрошал историк М. Богословский. – Всякие ползучие слухи отравляют меня... Все время ждешь, что вот-вот должна совершиться какая-то катастрофа» [2, с. 287]. Действительно, собственно революции (политическому перевороту) предшествовали многочисленные домыслы о покушениях на представителей царствующего дома. Стреляли в них непременно гвардейские офицеры – называли даже «звучные» фамилии [3, с. 116–117; 6, с. 414]. Кому-то якобы удавалось ранить или даже убить императрицу, похоже, пострадал и сам Николай II. Такие известия изумляли

иностранцев [27, с. 169]. Очевидно, что слухи указывали на общественную необходимость устранения некоего препятствия. Но кем?

Между прочим, британский вице-консул в Москве рассказал об интересном феномене: еще в феврале 1915 г. ему не раз звонили интеллигентные русские люди, офицеры, спрашивая, когда, наконец, «Англия избавит Россию от немки» (императрицы) [22, с. 107]. Вряд ли такое можно было присочинить. Очевидно, что многочисленные ненавистники Александры Федоровны до такой степени не верили в собственные силы, что готовы были поверить в «спасительное» вмешательство «извне» – абсурдное с дипломатической точки зрения. Само по себе наличие многочисленных слухов о заговорах подтверждает отсутствие *реальных* заговорщиков – действия таковых обычно опережают соответствующие слухи.

Конспирологическая «логика» конца 1916 – начала 1917 г. естественно подхватывалась людьми параноидального склада. Так, известный «геополитик» и сотрудник «Нового времени» А.Е. Вандам [Едрихин] перед самой войной уверял: «Россия велика и могущественна. Моральные и материальные источники ее не имеют ничего равного себе в мире...» [7, с. 185]. Правда, при этом он оставался сторонником союза с Германией, очевидно, считая его залогом российского процветания [6, с. 53–54]. Естественно, в апреле 1917 г. он так объяснял происходящее: «Революцию сделала Англия», а «комитет рабочих и солдатских депутатов направляется еврейством и большим капиталом». Между прочим, он же утверждал, что Милюков «давно жил в английском посольстве» и «в карете ездил с Бьюкененом» [34, с. 388, 391].

Порой конспирология становится заразительной, что соответственно используется политиками. Так, даже В.И. Ленин (вроде бы не склонный верить в могущество «темных сил») как-то заявил, что Февральская революция – это результат заговора английского и французского посольств, поддержанного Гучковым, Милюковым и генералитетом, с целью «помешать “сепаратным” соглашениям и сепаратному миру Николая Второго» [21, с. 16]. Понятно, что болезненные фантазии и политические инсинуации 1917 г. люди известного сорта непременно постараются протянуть до наших дней.

На деле революцию по-своему напророчила вся русская культура с ее нетерпеливыми элитами. Православное мессианство перемежалось с духом культурного самоуничтожения перед Западом. Жуткие предвосхищения Пушкина и Лермонтова соседствовали с утопическими порывами Гоголя единым махом сбросить с России пороки прошлого. Революция поселилась *внутри* России. Но *какая* революция? Анархо-гедонистическая – как у идеологов обцинного социализма? Или марксистская, образом которой, заодно с утопией Чернышевского, вдохновлялся Ленин? И может быть, «революция» Степана Разина и Емельяна Пугачева?

Этатизированность нашего исторического сознания подчас парализует историческое воображение. Почему, скажем, не допустить, что революция 1917 г. вкупе с Гражданской войной была известного рода воспроизведение системного кризиса империи XVII в., известного как Смутное время? Между прочим, после утверждения большевизма некоторые русские мыслители (причем самых различных политических ориентаций) отмечали, что русская революция была скорее воспроизведением событий 300-летней давности, нежели подобием европейских революций. К сравнениям Октября со Смутой XVII в. прибегли и консервативный либерал П. Струве, и правый политик Т. Локоть (тоже бывший социал-демократ), и кадет-сионист Д. Пасманик [36, с. 32–33; 23; 28, с. 17, 20, 23], и кто-то еще – упомянуть всех невозможно. Что касается писателей и поэтов, наиболее способных к интуитивному постижению «духа времени», то они не раз (главным образом в 1920-е годы) отмечали повторяемость исторических событий в России и ощущали себя «сейсмографами». Впрочем, о подобной повторяемости – в силу неизменности человеческих качеств – писал еще Фукидид. Всякая архаичная система рискует стать жертвой эндогенного «застоя», оказавшегося беспомощным перед вызовами исторического времени.

На основании подобных предположений нетрудно составить общую схему системных кризисов, поражающих авторитарно-патерналистские системы. Можно условно выделить отдельные уровни или стадии их протекания: этический, идеологический, политический, организационный, социальный, охлократический, рекреационный. Соответствующие им компоненты действуют на всех стадиях его развития, но с различной интенсивностью. Это связано с тем, что механизм раскрутки и течения кризиса связан с характерными изменениями массового сознания и психологии [см.: 5, с. 53–63]. При таком взгляде на кризис главную сложность составляет отыскание той точки бифуркации, когда общественное нетерпение приобретает агрегорную целостность. Начиная с этого момента даже действие сил самосохранения приобретает провоцирующий, а не сдерживающий характер. В начале 1917 г. такая точка вполне обозначилась: от власти ожидали чего угодно, но не «исправления».

Задолго до 1917 г. было отмечено, что европейские ментальные недуги порождают на русской почве целые эпидемии. Самую опасную из них породило вторжение в Россию марксизма. Впервые русская интеллигенция столкнулась с утопией, покрытой броней «научного» знания. Соответствующего противоядия внутри России не нашлось.

Стало общим местом говорить о «двухслойности» российского культурного пространства. Однако не замечают, что и урбанистическая культура европеизированных «верхов», и традиционалистская культура «низов» к началу XX в. все активнее противостояли друг другу. В первом случае

возобладало тяготение к западной демократии и развитию, во втором – к патерналистской архаике и самодостаточности. Их «примирение» могло состояться только на основе «обновленной» утопии.

Утопия становится разрушительной, если ее наполняет страсть насилия. Почему-то считается, что ее приверженцы, как и всякие доктринеры, оставались людьми бесстрастными. Сегодня трудно поверить, что большевики образца 1917 г. смотрелись паиньками на фоне всевозможных анархистов и максималистов. Среди брошюр, издаваемых (и переиздаваемых в 1905–1906 гг.), были труды европейских анархистов. Некоторое из них об «опиуме для народа» писали следующее: «Будем надеяться, что массы скоро перестанут поддаваться обману, что скоро наступит тот день, когда распятие и иконы будут брошены в печь... церкви будут обращены в залы для концертов, театральные представления или собраний... Разумеется, такое радикальное преобразование будет возможно только тогда, когда вспыхнет приближающаяся уже социальная революция, т.е. когда будут уничтожены все сообщники попов – монархи, бюрократы и капиталисты» [24, с. 30]. Будущим «воинствующим безбожникам» было у кого поучиться.

В сущности, анархисты стремились перевернуть всю ценностную иерархию. Им казалось, что повернуться лицом к будущему – значит, прежде всего, отвернуться от государства, его институтов, религии и морали – всех симулякров и культурной ауры старого строя. «“Дворники, творите анархию!”», “Швейцары, творите анархию!”», “Кандальщики, воры, убийцы, проститутки! Сыны темной ночи, станьте рыцарями светлого дня... Творите анархию!”» [13, с. 38], – зывали братья Гордины, рассчитывая перевоспитать всех «униженных и оскорбленных». Спрашивается, из каких глубин психики мог подняться подобный протест?

Свою роль сыграла и проповедь интернационализма. Человек, потерявший чувство родины, лишается естественных культурных сдержек. Характерный случай был зафиксирован в конце августа в Одессе. Воспользовавшись попыткой выступления анархистов, черносотенные элементы стали призывать к еврейскому погрому [16]. В том же месяце в Ташкенте на съезде воров была образована группа, именующая себя анархистами [14, л. 85]. И весь этот сброд маргинальных осколков старой России тоже сыграл роль «революционеров».

Победа большевиков в известном смысле была победой силы и страсти над политическим теоретизированием интеллигенции. Настал момент, когда все решается «не совещаниями, не съездами», – убеждал Ленин. «Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало!», – требовал он вечером 24 октября (6 ноября) 1917 г. [20, с. 436].

Но к этому моменту колебались все. «Во всем Петрограде невозможно было найти ни одного сколь-нибудь спокойного и уравновешенного человека»

[11, с. 272], – уверяли наблюдатели событий. М. Пришвин, походив по столичным «общественным говорильням», пришел к выводу: «Нет, не теми словами говорим мы и пишем, друзья, товарищи и господа мира сего, – отмечал он в дневнике. – Наши слова мертвые камни и песок, поднятые вихрем враждебных, столкнувшихся сил» [29, с. 86]. И либералы, и лидеры умеренных социалистов не смогли подобрать ключ к возбужденной психике народных масс. В действие вступили силы *метаистории*, воспринимаемые как (дурная) стихия.

Несомненно, большевикам для победы хватило всего двух лозунгов: «Мир!» и «Земля!». Именно они отвечали настрою толп. Поразительно, что на второй день работы II Всероссийского съезда Советов делегаты практически единогласно вотировали все предложения большевиков. Когда один из делегатов робко попытался поднять руку против Декрета о земле, «вокруг него раздался такой взрыв негодования, что он поспешно опустил руку...» [30, с. 152]. Действовала магия коллективного внушения. Порой голосовали вопреки наказаниям избирателей. Лишь 75% формальных сторонников Ленина поддержали лозунг «Вся власть Советам!», 13% большевиков устраивал девиз «Вся власть демократии!», а 9% даже считали, что власть должна быть коалиционной [10, с. 107]. Это была победа эмоций над политическим расчетом. После Октября в подобных эмоциях власть уже не нуждалась.

Характерно, что после большевистской победы анархисты продолжали «революционизировать» массы. 13 ноября 1917 г., выступая в цирке «Модерн», В.Л. Гордин пообещал: «Мы большевистское правительство низвергнем». Через несколько дней другой анархист Г. Сахновский заявил в адрес большевиков: «Не забывайте, что теперь есть группы более левые, чем вы» [цит. по: 19, с. 93].

О русской революции не стоит судить по «победившей» партии. Революцию делала не только она и даже не столько она. Еще до Февраля развернулся процесс, позволявший «борцам с самодержавием», а затем и «победителям буржуазии» пользоваться плодами стихийного процесса ломки старой системы. И либералы, и социалисты, и большевики друг за другом «приходили на готовое». Понятно, однако, что ни тем, ни другим, ни третьим признаваться в этом было не к лицу. И именно поэтому мы до сих пор пребываем в состоянии исследовательской спячки. Научная история уступает место псевдоисторическим предрассудкам.

Как ни странно, и здесь на помощь приходят некоторые культурные традиции.

После революции привычка делать из нужды добродетель порой приобретала христианское обоснование. Поначалу надеялись на очищение от большевизма. «Все стадии разочарования уже пройдены, кроме одной: народ должен еще разочароваться в большевиках, – писал Е.Н. Трубецкой А.Ф. Кони

1 ноября 1917 г. Ему упорно хотелось верить, что именно так будет с Россией» [8, с. 677]. Некоторым казалось, что очищение – неперемный компонент духовного развития народа. П. Флоренский находил «для религии выгодным и даже необходимым пройти через трудную полосу истории, и не сомневаюсь, что эта полоса послужит религии лишь к укреплению и очищению» [37, с. 78]. Идея «очищения» революцией присутствовала и у А. Белого [1, с. 14]. Об этом писали и революционные деятели искусства. «Искусство должно радовать. Даже страдание, которым привлекает нас к себе иное произведение, имеет целью конечное очищение, освобождение, просветление...» [12]. Еще в 1920-е годы можно было встретить такие «примирительные» (неовеховские) суждения о революции: «В пункте кризиса мы имеем сосредоточение всей жизни. Он приносит очищение... Очищение страданием, страданием внутренним, жертвуя собою, живя героем, другим, для очищения себя» [18, с. 183]. Революция представлялась «бичом Божьим», что, конечно, не могло принести внятных когнитивных результатов.

Понятно, что на этой основе никакого познавательного консенсуса не может сложиться. Примирение по поводу тех или иных исторических событий возможно только на основе осознания их глубинной обусловленности, а не на основе эфемерных эмоций, навеянных реалиями нынешнего дня. С другой стороны, познавательная конвенциональность не может быть достигнута на основе одряхлевшей теории.

Строго говоря, подлинное величие русской революции состояло в том, что она не вписывалась ни в какие известные тогда научные теории – сегодня это более чем очевидно. Вольно или невольно самим ее ходом была выдвинута грандиозная исследовательская задача. Опыт современности подсказывает, что в наши дни осмысление революции уже не может идти в рамках «прогрессистского» телеологизма XIX в. Эпоха Просвещения, увы, закончилась.

История – это отнюдь не ступенчатое восхождение человечества соответственно стадиям экономического роста или смене технологических циклов. Скорее болезненные рывки человечества в будущее соответствуют волнам информационных революций. Их воздействие беспощадно корректирует «отсталую» человеческую психику – это хорошо заметно по событиям современности. Так или иначе цикличное движение, в ходе которого «неожиданные» революции «одергивают» зарвавшихся апологетов материального довольства, по-своему напоминает, что в основе общественной эволюции лежит совсем иной основополагающий фактор – сам человек.

Библиография

1. Белый А. Революция и культура. М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1917. 30 с.
2. Богословский М.М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея. М.: Время, 2011. 797 с.
3. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 965 с.
4. Булдаков В.П. Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 53–64.
5. Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: Пути переосмысления. М.: РОССПЭН, 2007. 203 с.
6. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М.: Новый хронограф, 2015. 714 с.
7. Вандам А.Е. [Едрихин А.Е.] Геополитика и геостратегия. М.: Кучково поле, 2002. 269 с.
8. Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках А.С. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрна и др. М.: Шк. «Языки русской культуры»: Кошелев, 1997. 745 с.
9. Виноградов П.Г. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. 631 с.
10. Второй Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 179 с.
11. «Все кончено и никакие компромиссы уже невозможны...»: Из воспоминаний Е.Е. Драшусова // Россия 1917 года в эго-документах. Воспоминания. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 254–273.
12. Глебов И. Предвосхищение будущего // Жизнь искусства. 1918. № 3. 3 октября.
13. Гордины, бр. Манифест пан-анархистов. М., 1918.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1791. Оп. 6. Д. 271.
15. Данилов В.П. Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть. М.; Тамбов: МШСЭН: ТГТУ, 1996. С. 4–23.
16. День. 1917. 30 августа.
17. Кабанес О., Насс Л. Революционный невроз. М.: Институт психологии РАН, Издательство «КСП +», 1998. 576 с.
18. Каган М.И. О ходе истории. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 703 с.
19. Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма (Борьба партии большевиков против анархизма). М.: Мысль, 1974. 415 с.
20. Ленин В.И. Письмо членам ЦК (6 ноября 1917 г.) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М.: Изд-во политической литературы, 1969. Т. 34. С. 435–436.
21. Ленин В.И. Письма издалека. Письмо 1-е. Первый этап революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М.: Изд-во политической литературы, 1969. Т. 31. С. 11–23.
22. Локкарт Р. Агония Российской империи. Воспоминания офицера британской разведки. М.: Алгоритм, 2016. 366 с.
23. Локоть Т.В. Смутное время и революция (Политические параллели 1613–1917 гг.). Берлин: Двуглавый орел, 1923. 103 с.
24. Мост И. Религиозная язва. Пг.: б/и, 1917. 30 с.
25. Неизданный В.Г. Короленко. Дневники и записные книжки. М.: Пашков дом, 2013. Т. 1. 1914–1918. 352 с.
26. Николаев А.Б. Думская история Февральской революции: Введение, текст, комментарий // Русская революция 1917 г.: Проблемы истории и историографии: Сб. докладов межвузовской научной конференции. СПб.: ЛЭТИ, 2016. Т. 4. С. 65–162.

27. Паскаль П. Русский дневник: Во французской военной миссии (1916–1918). Екатеринбург: Гонзо, 2014. 582 с.
28. Пасманик Д.С. Русская революция и еврейство (Большевизм и иудаизм). Париж: Франко-рус. печать, 1923. 256 с.
29. Пришвин М.М. Дневники. М.: Правда, 1990. 480 с.
30. Рид Д. Избранное. М.: Политиздат, 1987. Кн. 1. 543 с.
31. Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Сергиев Посад: б/и, 1917. Вып. 1.
32. Россия в Великой войне 1914–1918 годов. Образы и тексты. М.: РОССПЭН, 2014. 279 с.
33. Руга В., Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. М.: АСТ: Астрель, 2011. 678 с.
34. Снесарев А.Е. Дневник: 1916–1917. М.: Кучково поле: Военная книга, 2014. 669 с.
35. Соловей В.Д. Русская история: Новое прочтение. М.: АИРО-XXI, 2005. 312 с.
36. Струве П.Б. Размышления о русской революции. София: Российско-Болгарское книгоиздательство, 1921. 34 с.
37. Флоренский П.А. Автобиография // Наше наследие. 1988. № 1. С. 74–78.
38. Шубин А.В. Великая российская революция: От Февраля к Октябрю 1917 года. М.: Родина МЕДИА, 2014. 452 с.
39. Gellner E. Foreword // Loone E. Soviet Marxism and Analytical Philosophies of History. L.; N.Y.: Verso, 1992.

References

- Belyj A. Revoljucija i kul'tura. M.: G.A. Leman i S.I. Saharov, 1917. 30 p.
- Bogoslovskij M.M. Dnevnik (1913–1919): Iz sobranija Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja. Moscow: Vremja, 2011. 797 p.
- Buldakov V.P., Leont'eva T.G. Vojna, porodivshaja revoljuciju. Moscow: Novyj hronograf, 2015. 714 p.
- Buldakov V.P. Krasnaja smuta. Priroda i posledstvija revoljucionnogo nasilija. Moscow: ROSSPJeN, 2010. 965 p.
- Buldakov V.P. Quo vadis? Krizisy v Rossii: Puti pereosmyslenija. Moscow: ROSSPJeN, 2007. 203 p.
- Buldakov V.P. Revoljucija kak problema rossijskoj istorii // Voprosy filosofii. 2009. N 1. P. 53–64.
- Danilov V.P. Krest'janskaja revoljucija v Rossii. 1902–1922 gg. // Krest'jane i vlast'. Moscow; Tambov: MShSJeN: TGTU, 1996. P. 4–23.
- Den'. 1917. 30 Aug.
- Florenskij P.A. Avtobiografija // Nashe nasledie. 1988. N 1. P. 74–78.
- Gellner E. Foreword // Loone E. Soviet Marxism and Analytical Philosophies of History. L.; N.Y.: Verso, 1992.
- Glebov I. Predvoshishhenie budushhego // Zhizn' iskusstva. 1918. N 3. 3 Oct.
- Gordiny, br. Manifest pan-anarhistov. Moscow, 1918.
- Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF). F. 1791. Op. 6. D. 271.
- Kabanes O., Nass L. Revoljucionnyj nevroz. Moscow: Institut psihologii RAN, Izdatel'stvo «KSP +», 1998. 576 p.
- Kagan M.I. O hode istorii. Moscow: Jaz. slavjan. kul'tury, 2004. 703 p.
- Kanev S.N. Oktjabr'skaja revoljucija i krah anarhizma (Bor'ba partii bol'shevikov protiv anarhizma). Moscow: Mysl', 1974. 415 p.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

- Lenin V.I. Pis'mo chlenam CK (6 nojabrja 1917 g.) // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. Izd. 5-e. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury, 1969. Vol. 34. P. 435–436.
- Lenin V.I. Pis'ma iz daleka. Pis'mo 1-e. Pervyj jetap revoljucii // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. Izd. 5-e. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury, 1969. Vol. 31. P. 11–23.
- Lokkart R. Agonija Rossijskoj imperii. Vospominanija oficera britanskoj razvedki. Moscow: Algoritm, 2016. 366 p.
- Lokot' T.V. Smutnoe vremja i revoljucija (Politicheskie paralleli 1613–1917 gg.). Berlin: Dvuglavyy orel, 1923. 103 p.
- Most I. Religioznaja jazva. Petrograd: b/i, 1917. 30 p.
- Neizdannyy V.G. Korolenko. Dnevnik i zapisnye knizhki. Moscow: Pashkov dom, 2013. Vol. I. 1914–1918. 352 p.
- Nikolaev A.B. Dumskaja istorija Fevral'skoj revoljucii: Vvedenie tekst, kommentarii // Russkaja revoljucija 1917 g.: Problemy istorii i istoriografii: Sb. dokladov mezhdvuzovskoj nauchnoj konferencii. Saint Petersburg: LJeTI, 2016. Vol. 4. P. 65–162.
- Paskal' P. Russkij dnevnik: Vo francuzskoj voennoj missii (1916–1918). Ekaterinburg: Gonzo, 2014. 582 p.
- Pasmanik D.S. Russkaja revoljucija i evrejstvo (Bol'shevizm i judaizm). Parizh: Franko-rus. pechat', 1923. 256 p.
- Prishvin M.M. Dnevnik. Moscow: Pravda, 1990. 480 p.
- Rid D. Izbrannoe. Moscow: Politizdat, 1987. Kn. 1. 543 p.
- Rossija v Velikoj vojne 1914–1918 godov. Obrazy i teksty. Moscow: ROSSPJeN, 2014. 279 p.
- Rožanov V.V. Apokalipsis nashogo vremeni. Sergiev Posad: b/i, 1917. Vol. 1.
- Ruga V., Kokorev A. Povsednevnaia zhizn' Moskvy. Ocherki gorodskogo byta v period Pervoj mirovoj vojny. Moscow: AST: Astrel', 2011. 678 p.
- Shubin A.V. Velikaja rossijskaja revoljucija: Ot Fevralja k Oktjabrju 1917 goda. Moscow: Rodina MEDIA, 2014. 452 p.
- Snesarev A.E. Dnevnik: 1916–1917. Moscow: Kuchkovo pole: Voennaja kniga, 2014. 669 p.
- Solovej V.D. Russkaja istorija: Novoe prochtenie. Moscow: AIRO-XXI, 2005. 312 p.
- Struve P.B. Razmyshlenija o russkoj revoljucii. Sofija: Rossijsko-Bolgarskoe knigoizdatel'stvo, 1921. 34 p.
- Vandam A.E. [Edrihin A.E.] Geopolitika i geostrategija. Moscow: Kuchkovo pole, 2002. 269 p.
- Vinogradov P.G. Izbrannye trudy. Moscow: ROSSPJeN, 2010. 631 p.
- «Vse koncheno i nikakie kompromissy uzhe nevozmozhny...»: Iz vospominanij E.E. Drashusova // Rossija 1917 goda v jego-dokumentah. Vospominanija. M.: Politicheskaja jenciklopedija, 2015. P. 254–273.
- Vtoroj Vserossijskij s'ezd rabochih i soldatskih deputatov. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo, 1928. 179 p.
- Vzyskujushhie grada. Hronika chastnoj zhizni russkih religioznyh filosofov v pis'mah i dnevnikah A.S. Askol'dova, N.A. Berdjaeva, S.N. Bulgakova, E.N. Trubeckogo, V.F. Jerna i dr. Moscow: Shk. «Jazyki russoj kul'tury»: Koshelev, 1997. 745 p.